

ОСТРОВ КАК ТЕКСТ: ЖАНР ПУТЕШЕСТВИЙ А РОМАНЕ
ДАНИЭЛЬЯ ДЕФО.

Джураева Мадина Мамуровна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Денауского института предпринимательства и педагогики,
djuraevamadina554@gmail.com

Тошпулатова Угиллой Улугбек кизи

Студентка Денауского института предпринимательства и педагогики
ugiloytoshpulatovaa07@gmail.com

Раимова Асал Кахрамон кизи

Студентка Денауского института предпринимательства и педагогики
raimovaasal1@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается трансформация жанра путешествий в романе Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» (1719) в контексте формирования английского романа XVIII века. Анализируется, как Дефо синтезирует документальные мореходные хроники, пуританскую духовную автобиографию и приключенческий сюжет, создавая новый тип повествования. Исследуются механизмы создания правдоподобия (верисимилитудо), включая использование картографической точности, бытовых деталей и психологической достоверности. Особое внимание уделяется роли путешествия как аллегории духовного странствия, а также функции островной изоляции в качестве «лаборатории» для исследования основ цивилизации и человеческой природы. Автор доказывает, что «Робинзон Крузо» не только заложил основы жанра робинзонады, но и определил пути развития европейского романа Нового времени, соединив географическую экзотику с философской глубиной.

Ключевые слова: Даниэль Дефо, «Робинзон Крузо», жанр путешествий, английский роман, верисимилитудо, робинзонада, духовная автобиография, просвещение, колониальный дискурс, островная наррация.

Abstract. This article examines the transformation of the travel genre in Daniel Defoe's novel Robinson Crusoe (1719) within the context of the development of the 18th-century English novel. It analyzes how Defoe synthesizes documentary seafaring chronicles, Puritan spiritual autobiography, and the adventure plot to create a new type of narrative. The mechanisms of creating verisimilitude (verisimilitudo) are explored, including the use of cartographic accuracy, everyday details, and psychological

authenticity. Particular attention is paid to the role of voyage as an allegory of spiritual journey, as well as the function of island isolation as a "laboratory" for exploring the foundations of civilization and human nature. The author argues that Robinson Crusoe not only laid the foundations of the Robinsonade genre but also determined the development of the European novel of the modern era, combining geographical exoticism with philosophical depth.

Keywords: Daniel Defoe, Robinson Crusoe, travel genre, English novel, verisimilitude, robinsonade, spiritual autobiography, enlightenment, colonial discourse, island narration.

Введение. Публикация «Робинзона Крузо» в апреле 1719 года стала поворотным моментом в истории европейской литературы. Вышедший анонимно, представленный как подлинное автобиографическое повествование моряка из Йорка, роман мгновенно завоевал популярность и породил целую литературную традицию — робинзонаду. Однако значение этого произведения далеко не исчерпывается занимательностью сюжета о выживании на необитаемом острове. «Робинзон Крузо» представляет собой сложный жанровый гибрид, в котором традиция путевых заметок, восходящая к великим географическим открытиям, переплетается с пуританской духовной автобиографией, философским трактатом и экономическим памфлетом.

Цель настоящей статьи — выявить, каким образом Дефо использует и трансформирует жанр путешествий для создания новой художественной реальности. Методологическую основу исследования составляет историко-типологический подход, позволяющий проследить преемственность и новаторство Дефо в контексте английской литературы начала XVIII века.

Жанр путешествий в английской литературе к началу XVIII века.

К моменту появления романа Дефо жанр путешествий (travel narrative) имел в Англии прочную традицию. Ещё в XVI веке в английской литературе появились описания реальных морских экспедиций и заморских стран, которые пользовались неизменным читательским интересом. К концу XVII столетия, как отмечают исследователи, travel narratives increasingly replacing romances in popular taste — то есть документальные путевые хроники вытесняли рыцарские романы в читательских предпочтениях. Это был период, когда публика жаждала не вымысла, а «подлинных» свидетельств о далёких землях, диковинных народах и опасных приключениях.

Дефо был хорошо знаком с этой традицией. Он черпал вдохновение в реальных событиях — в частности, в истории шотландского моряка Александра

Селькирка, проведшего четыре года на необитаемом острове, а также в записках путешественников Уильяма Дампьера и Вудса Роджерса. Однако Дефо пошёл дальше простого заимствования фактического материала: он создал фикцию, которая казалась реальнее самой реальности.

Синтез документальности и вымысла: создание эффекта подлинности.

Ключевое новаторство Дефо заключается в том, что он не просто пишет о путешествии, а создаёт иллюзию путевого документа. Повествование ведётся от первого лица, автор как бы полностью изъят из текста, что усиливает эффект правдоподобия. Роман открывается с подробностей, характерных для деловой документации — указание имени, места рождения, профессии героя. Кораблекрушение описывается с той технической точностью, которая была свойственна морским хроникам. Этот приём, который современные исследователи называют **верисимилитудо** (правдоподобие), был беспрецедентен для своего времени. «Робинзон Крузо» представляет собой «триумф верисимилитудо», как писал ещё Эдгар Аллан По. Дефо достигает этого эффекта не только за счёт фактографической детализации, но и через создание сложной сети внутренних отсылок и хронологических привязок, которые убеждают читателя в подлинности происходящего.

При этом Дефо не просто имитирует документальность — он создаёт новый тип повествования, в котором стираются границы между фактом и вымыслом, между журналистикой и литературой. «Робинзон Крузо» — это ранний пример того, что сегодня мы назвали бы «нефикшн-романом»: произведение, которое использует все приёмы документальной прозы для создания вымышленной реальности.

Путешествие как аллегория: физическое странствие и духовный путь.

Однако за внешней документальностью скрывается второй, более глубокий слой повествования. «Робинзон Крузо» — это не просто история о выживании, но и сложная духовная автобиография. Как справедливо отмечает Дж. Пол Хантер, структурно роман воспроизводит схему духовной биографии и паломнической аллегории. Сюжет выстраивается по модели «непослушание — наказание — раскаяние — спасение»: Робинзон покидает родительский дом вопреки предупреждениям отца (непослушание), терпит кораблекрушения и оказывается на острове (наказание), переживает болезнь и духовное обращение (раскаяние) и в конце концов обретает спасение.

В этом смысле путешествие Робинзона — это не столько географическое перемещение, сколько метафора жизненного пути человека, ищущего Бога и

самого себя. Фоновые ассоциации «Робинзона Крузо» с пуританской традицией неоспоримы. Дефо использует фундаментальные пуританские метафоры существования и духовного отчуждения, чтобы создать мир, в котором базовые конфликты человека разворачиваются в космическом, но при этом глубоко личном измерении.

Таким образом, в романе сосуществуют два уровня путешествия: горизонтальный (географическое перемещение по миру) и вертикальный (духовное восхождение). Именно эта двуплановость и придаёт «Робинзону Крузо» его философскую глубину и универсальность.

Жанровый синкретизм: роман путешествий как «вместилище» жанров.

«Робинзон Крузо» — это выдающийся пример жанрового синкретизма. Как отмечает исследовательская литература, в романе переплелись элементы различных жанровых традиций: любовный роман, путевой очерк, духовная биография, дневник, экономическая и политическая аллегория. По своему стилю — простой, точный язык, лишённый специфических художественных приёмов — он ближе к публицистическому жанру «путешествий», чем к литературному роману в привычном нам смысле.

При этом приключенческая составляющая придаёт роману черты авантюрного романа; познание главным героем физических тягот жизни указывает на роман воспитания; прохождение персонажем сложного пути обустройства на необитаемом острове сближает произведение с аллегорической притчей о развитии человеческой цивилизации. Наличие экзотических элементов (далёкие страны, морские путешествия, дикие звери, людоеды и пираты) делает его классическим приключенческим романом.

Такое жанровое многослойность не случайна. Она отражает саму природу жанра путешествий в XVIII веке — гибкой формы, способной вбирать в себя самые разные дискурсы и породить новые жанровые образования.

Рождение робинзонады: жанр, порождённый путешествием.

Влияние «Робинзона Крузо» на мировую литературу трудно переоценить. Роман породил целый жанр, который получил название **робинзонада**. Как поджанр приключенческой литературы, робинзонада описывает перипетии выживания одного или нескольких людей на необитаемом острове (или в ином изолированном пространстве). Исторически робинзонада стала первым вариантом географического романа приключений, оказавшим влияние на возникновение других разновидностей этого жанра.

Жанровая структура классической робинзонады включает следующие обязательные элементы: кораблекрушение — изоляция на острове — выживание — возвращение домой. Однако, как подчёркивают исследователи, в процессе своего развития робинзонада претерпела упрощение: из неё постепенно устранялись религиозные смыслы, а на первый план выходили захватывающие приключения героев, что в конечном счёте превратило её в жанр детской литературы.

Популярность робинзонады в эпоху Просвещения была огромной. Только на немецком языке, по состоянию на 1760 год, библиограф Кох насчитал не менее сорока робинзонад. От «Швейцарского Робинзона» Иоганна Давида Висса до «Таинственного острова» Жюль Верна — робинзонада стала одним из самых устойчивых и жизнеспособных жанровых образований в мировой литературе.

Островная изоляция как «лаборатория» цивилизации.

Центральный элемент робинзонады — островная изоляция — выполняет в романе Дефо не только сюжетную, но и глубокую философскую функцию. Остров становится своего рода «лабораторией», в которой можно изучать основные принципы человеческого существования вне социальных институтов и условностей.

Робинзон, оказавшись на острове, вынужден заново изобрести цивилизацию — от постройки жилища и изготовления одежды до ведения бухгалтерского учёта и установления отношений власти с Пятницей. Его остров — это «идеальный мир мира, гармонии, ясности, порядка и простоты», где он может быть «безопасно включён». В ментальном эксперименте Дефо отступление цивилизации не приводит Робинзона к дикому состоянию, а, напротив, приводит его к открытию естественного закона — не закона материальной природы, а закона божественной природы, который Бог заложил в человека.

Таким образом, островная изоляция в романе Дефо — это не просто испытание, но и возможность для самореализации, самопознания и духовного роста. Как точно сформулировано в одном из исследований, «экзистенциальное пространство, представленное в «Робинзоне Крузо», можно рассматривать как пространство саморазвития и роста, поскольку оно способствовало его умственному, физическому и социальному развитию».

Колониальный дискурс и жанр путешествий.

Современные постколониальные исследования высветили ещё один важный аспект романа Дефо — его связь с колониальным дискурсом. «Робинзон Крузо» принадлежит к доколониальной эпохе, но он содержит в себе зародыш новой

западной стратегии видения мира — мир предстаёт как обширный, незаселённый и богатый. Робинзон не только выживает на острове, но и присваивает его, превращая в свою собственность.

Отношения между Робинзоном и Пятницей — классический пример колониальной бинарной оппозиции «я» и «другой». Робинзон даёт Пятнице имя, учит его английскому языку, обращает в христианство и, по сути, «цивилизует» туземца. Как отмечают исследователи, Дефо узаконивает колониальное поведение Робинзона, используя колониальные нарративные стратегии, такие как цивилизация, язык и религия.

Однако постколониальные прочтения также показывают двойственность романа: он одновременно служит проводником колониальных мифов и демонстрирует человеческую стойкость. Эта амбивалентность делает «Робинзона Крузо» не только продуктом своей эпохи, но и объектом постоянного переосмысления в постколониальной литературе — от «Пятницы» Мишеля Турнье до «Врага» Дж. М. Кутзее.

Влияние на развитие европейского романа.

Значение «Робинзона Крузо» для развития жанра романа в целом трудно переоценить. Критики видят в романе «семена английского социального романа с его акцентом на эмпирическую реальность, правдоподобие и детальное наблюдение». Дефо заложил основы реалистического романа, в котором внимание к повседневности, к материальной стороне жизни, к психологии «обычного человека» становится главным художественным принципом.

Кроме того, «Робинзон Крузо» часто рассматривается как предтеча романа воспитания (*Bildungsroman*). Путь героя — от непослушного сына, покинувшего родительский дом, до зрелого человека, нашедшего духовный покой и материальное благополучие, — станет образцом для многих последующих романов о формировании личности. Исследователи даже включают «Робинзона Крузо» в историю английского романа воспитания наряду с «Клариссой» Ричардсона и «Томом Джонсом» Филдинга.

Наконец, сам тип героя — «экономический человек», который трудится, рассчитывает, изобретает и накапливает, — станет одним из центральных образов европейской литературы и экономической мысли Нового времени.

Заключение. «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо — это не просто классический образец жанра путешествий, но и произведение, которое фундаментально трансформировало этот жанр. Дефо взял документальную традицию мореходных хроник и духовной автобиографии, переплавил их в

горниле своего художественного воображения и создал новую форму — роман, в котором документальность служит вымыслу, а вымысел обретает силу документа.

Роману удалось соединить, казалось бы, несовместимое: географическую экзотику с философской глубиной, занимательную приключенческую фабулу с пуританской дидактикой, отчётливый колониальный дискурс с универсальной историей о человеческой стойкости. Именно эта многомерность обеспечила «Робинзону Крузо» его исключительное место в истории литературы.

Жанр путешествий, пройдя через творчество Дефо, обрёл новое качество: он стал не просто способом описания чужих земель, но и инструментом исследования человеческой природы, социальных институтов и духовных исканий. «Робинзон Крузо» заложил основы робинзонады, повлиял на развитие реалистического романа и романа воспитания и продолжает вдохновлять писателей, философов и читателей уже три столетия.

Список использованной литературы.

1. **Козьмина, Е. Ю.** Робинзонада как разновидность географического романа приключений // Учёные записки. — 2018. — № 4. — С. 112–125.
2. **Damrosch, L.** Myth and Fiction in Robinson Crusoe // *God's Plots & Man's Stories: Studies in the Fictional Imagination from Milton to Fielding*. — Chicago: University of Chicago Press, 1985. — P. 187–212.
3. **Hunter, J. P.** Tradition and Theme in Robinson Crusoe. — Rice University, 1966. — 198 p.
4. **Majumder, A.** Travel Narratives and the Early Novel // *The Cambridge Companion to British Literature and Empire*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2025.
5. **Novak, M. E.** Transformations, Ideology, and the Real in Defoe's Robinson Crusoe and Other Narratives: Finding "the Thing Itself". — Newark: University of Delaware Press, 2015. — 239 p.
6. **Richetti, J. (ed.)** The Cambridge Companion to Robinson Crusoe. — Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
7. **Дефо, Д.** Робинзон Крузо / Пер. с англ. М. Шишмарёвой. — М.: Художественная литература, 2008. — 384 с.